

Ангел Богданович

**Французский «пролетарий» и
русский общинник**

Ангел Иванович Богданович Французский «пролетарий» и русский общинник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5670239

Аннотация

«Когда люди старѣются, они пишутъ воспоминанія, въ которыхъ съ перваго слова заявляютъ, что прежде было все лучше. И солнце свѣтило тогда ярче, и люди были добрѣе, умнѣе, великодушнѣе, а, главное, жилось веселѣе, бодрѣе и легче. Отдалъ дань этой общечеловѣческой слабости и г. Мертваго въ своихъ, вообще, очень интересныхъ воспоминаніяхъ – „Не по торному пути“, посвященныхъ его блужденіямъ по свѣту, въ поискахъ за лучшимъ разрѣшеніемъ хозяйственныхъ вопросовъ...» *Произведение дается в дореформенном алфавите.*

Ангель Ивановичъ Богдановичъ Французскій «пролетарій» и русскій общинникъ

Когда люди старѣются, они пишутъ воспоминанія, въ которыхъ съ перваго слова заявляютъ, что прежде было все лучше. И солнце свѣтило тогда ярче, и люди были добрѣе, умнѣе, великодушнѣе, а, главное, жилось веселѣе, бодрѣе и легче. Отдалъ дань этой общечеловѣческой слабости и г. Мертваго въ своихъ, вообще, очень интересныхъ воспоминаніяхъ — «Не по торному пути», посвященныхъ его блужденіямъ по свѣту, въ поискахъ за лучшимъ разрѣшеніемъ хозяйственныхъ вопросовъ. «Пятнадцать лѣтъ тому назадъ,— говоритъ онъ,— въ Россіи были еще всякіе вопросы, которые мучили, волновали; эти вопросы заставляли искать отвѣта и не нашли еще тогда себѣ разрѣшенія въ игрѣ въ винтъ и кутежахъ. „Было время, а теперь другое“, говоритъ поговорка. У всякаго былъ свой вопросъ, всякій искалъ своего *raison d'être* и всякій разрѣшалъ его по своему». Въ его словахъ есть доля правды. Положимъ, и теперь всякихъ вопросовъ хоть отбавляй, но правъ авторъ, что теперь мы равнодушнѣе къ нимъ и не очень утруждаемъ себя исканіемъ отвѣтовъ, предпочитая

плыть по течению, которое куда-нибудь да вынесет...

Г-на Мертваго волновали и интересовали вопросы сельскохозяйственные. Тогда всёхъ привлекали статьи покойнаго Энгельгардта, для многихъ явившіяся своего рода откровеніемъ. Перечитывая ихъ теперь, намъ уже трудно понять, что такъ увлекало читателей 70-хъ годовъ, которымъ эти статьи словно открывали новый міръ, куда, по обычаю русскихъ людей, немедленно началось паломничество. Въ Батищеве, имѣніе Энгельгардта, одни шли съ вѣрою обрѣсти «спасеніе души», какъ, спустя нѣсколько лѣтъ, другіе шли съ тою же цѣлью въ Ясную Поляну. Иные имѣли въ виду болѣе простыя и практическія задачи: они хотѣли поучиться, какъ вести хозяйство въ деревнѣ, откуда до сихъ поръ всё бѣжали, кромѣ кулака. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и г. Мертваго, рисующій нѣсколько любопытныхъ очерковъ изъ своего пребыванія въ Батищевѣ. Но насъ интересуютъ не они, а тѣ «тонконогіе», – какъ ихъ прозвали крестьяне, – которые въ земледѣльской химіи видѣли средство для «спасенія души», а въ фосфоритѣ – рычагъ, съ помощью котораго они намѣревались вознести русскую деревню на небывалую высоту.

Подумаешь, съ какой простотой разрѣшались тогда вопросы. Но эта простота характерна не только для тогдашняго времени. Черезъ всю краткую исторію русской интеллигенціи проходитъ красною нитью общая черта «тонконогихъ» – необыкновенное легкомысліе, съ которымъ мы хватаемся за

всякія средства для спасенія души. Начиная съ діалектики Гегеля, въ которой еще Бѣлинскій видѣлъ одну изъ панацей (положимъ, быстро отъ нея отказавшійся), и до самоновѣйшаго видоизмѣненія ея – «марксизма», – мы твердо уповаемъ, что можемъ изыскать средство, которое насъ «спасетъ». То и дѣло проявляются пророки, благодѣтельствующіе грѣншаго обывателя новымъ средствомъ, и немедленно являются послѣдователи, съ восторгомъ хватающіе «новое слово», какъ принято у насъ называть открытія, до которыхъ русскій человѣкъ «своимъ умомъ дошелъ». Иногда это бываетъ трогательно, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ – смѣшно, обнаруживая въ насъ отсутствіе того, что европейцы называютъ «убѣжденіями». Это тоже отличительная наша черта, – полная свобода отъ всякихъ убѣжденій, хотя и нѣтъ въ мірѣ другого общества, въ которомъ такъ горячо и много говорили бы насчетъ убѣжденій, какъ въ нашемъ.

Отчего это зависитъ? Причины такого печальнаго явленія, этой неустойчивости русской «души», скрыты глубоко въ условіяхъ нашего общественнаго быта и, прежде всего, въ слабости нашей культуры. Европейецъ, появляясь на свѣтъ Божій, уже несетъ въ себѣ зародышъ тѣхъ прочно-сложившихся взглядовъ и убѣжденій, которыя его дѣды и отцы завоевали въ свое время, выносили въ себѣ и кровью заплатили за нихъ. Въ путешествіяхъ нашихъ туристовъ часто встрѣчаются насмѣшки надъ нѣкоторыми особенностями европейцевъ. Больше всего достается англичанамъ, которые нигдѣ

не измѣняютъ своимъ привычкамъ. Ничего подобнаго у насъ нѣтъ, откуда и проистекаетъ наша чрезвычайная воспріимчивость и неустойчивость. «Общій характеръ націй,— замѣчаетъ г. Мертваго,— опредѣляется не возможностью извѣстнаго направленія, но уже сложившимся направленіемъ въ данный историческій моментъ. Теперь пока мы еще можемъ называть себя націей *чиновничьей* — служебной». А взгляды, тѣмъ болѣе убѣжденія, вовсе не нужны чиновничьей средѣ, которая обязана выполнять и слѣдовать предписаніямъ начальства. То же самое происходитъ и въ интеллигенціи, гдѣ роль начальства сегодня изображаетъ Энгельгардтъ, завтра Толстой, послѣ завтра Марксъ. Каждому изъ нихъ русскій интеллигентъ воздастъ слѣдуемое, и такъ какъ, въ сущности, къ ихъ «предписаніямъ» онъ относится также легко, какъ легко увлекается ими, то въ концѣ концовъ онъ оказывается въ той или иной канцеляріи, гдѣ вчерашній «марксистъ» или «народникъ» съ усердіемъ выводитъ отношенія и подшиваетъ «входящія» и «исходящія»...

Г. Мертваго, послѣ своихъ батищевскихъ опытовъ — изображать работника изъ «тонконогихъ», направился въ Европу и, между прочимъ, въ Парижъ, гдѣ поступилъ въ работники къ огороднику. Чему и какъ онъ тамъ учился,— интересующихся отсылаемъ къ его книгѣ, вполне заслуживающей такого вниманія. Для насъ здѣсь любопытнѣе всего его сравненія тѣхъ условій, въ которыхъ живетъ европейскій «пролетарій» и нашъ русскій общинникъ. Каждому изъ нашихъ читате-

лей хорошо извѣстно, сколько безкорыстныхъ слезъ пролила русская литература надъ этимъ несчастнымъ «пролетаріемъ», и какъ въ примѣръ ему и поученіе воспѣвала она нашего «общинника». Побывавъ въ роли того и другого, г. Мертваго является довольно компетентнымъ судьей и въ вопросѣ, кому изъ нихъ живется лучше. Когда онъ заявилъ Энгельгардту о своемъ желаніи учиться у него, тотъ прислалъ свои условія, изъ которыхъ выписываемъ слѣдующія: «2) Помѣщаются и харчуются (желающіе работать) вмѣстѣ со всѣми рабочими. Помѣщеніе – *сарай* и изба. Харчи – *черный хлѣбъ*, щи со свинымъ саломъ, крупникъ или каша. Въ постные дни сало замѣняется коноплянымъ масломъ. По праздникамъ *сотка водки*. 3) Жалованье получаютъ полное или половинное, или ничего, смотря по работѣ. *Полное жалованіе июль, августъ – 6 р., сентябрь – 5 р., остальные мѣсяцы по 8 р.*»

Въ письмѣ къ Мертваго Энгельгардтъ пишетъ, что будетъ говорить «ты», ибо «назвался груздемъ – полѣзай въ кузовъ». Это «ты» чрезвычайно характерно для насъ.

Г. Мертваго говоритъ дальше, что эти условія были лучшими для рабочихъ всей мѣстности, гдѣ находится Батищево, и крестьяне шли къ Энгельгардту особенно охотно, такъ какъ «харчъ былъ вполнѣ удовлетворительный». Самъ онъ, впрочемъ, какъ и другіе «тонконогіе», не могъ его ѣсть, и пропитывался молокомъ. Если любознательные читатели заглянуть въ **земскіе** сборники по текущей статистикѣ, они увидятъ, что условія Энгельгардта, приблизительно, среднія

для всей Россіи: вездѣ почти жалованье на хозяйскихъ харчахъ колеблется около 60 р. въ годъ, лѣтомъ около 6–8 р., зимой около 3–4. Рабочими являются вездѣ крестьяне-общинники, и если охотно идутъ на такія условія, значить находятъ ихъ для себя выгодными, ибо ничего лучшаго не имѣютъ. Если бы «общинныя условія» жизни были лучше, это повлекло бы за собой, какъ необходимое поощренье, и повышение заработной платы, и улучшение содержанія. Связь между тѣми и другими условіями столь ясна, что нѣтъ надобности на ней долъше останавливаться.

Затѣмъ, спустя два года, г. Мертваго работаль у хозяина-огородника въ Парижѣ. Жалованье «полнаго работника» на хозяйскомъ содержаніи составляло въ его время 60–65 франковъ въ мѣсяць, что по курсу 1862 г. равнялось 25–30 р. А условія содержанія были слѣдующія. Онъ и другой работникъ Поль помѣщались въ особой комнатѣ; «въ ней стояло 2 кровати съ мягкими шерстяными тюфяками; подушка и постельное бѣлье были также отъ хоазевъ». Какъ это наминаеть «сарай», гдѣ помѣщались работники Энгельгардта! Работа начиналась въ четыре часа утра, но «прежде чѣмъ идти на работу полагалось выпить поль-чайнаго стакана коньяку („по праздникамъ сотка водки!“) и закусить его хлѣбомъ – это нааывалось „prendre la goutte“ (капельку пропустить)». Въ 7 часовъ возвращался другой работникъ съ поля, гдѣ онъ бралъ навозъ для огорода, «и мы, прежде чѣмъ разгрузать возъ, принимались втроемъ (съ хозяиномъ) „cas-

ser la croûte“, т. е. закусывать хлѣбомъ, сыромъ бри съ холодными остатками ужина, запивая ѣду стаканомъ краснаго вина» («по праздникамъ сотка водки!»). Работа, затѣмъ, продолжалась до 11 часовъ, когда наступало время *завтрака*. «Подавалось одно кушанье – какое-нибудь жареное съ соусомъ изъ овощей и, по обыкновенію, сыръ и вино („по праздникамъ сотка водки!“). Послѣ завтрака всѣ ложвились спать, причемъ на ѣду и отдыхъ полагалось 2 часа, послѣ которыхъ мы пранимались за прерванныя работы и продолжали ихъ до 4 часовъ, когда приходило время обѣда, состоявшаго изъ *мясного супа, овощей* (артишоки, цвѣтная капуста и т. п.), *мяса* (обыкновенно изъ супа, а иногда, если супъ былъ съ саломъ, то жаренаго мяса), *салата*, если во время ягодъ – земляника, или малина съ *краснымъ виномъ* („по праздникамъ сотка водки!“) и кофе. Такимъ образомъ, обѣдъ состоялъ всегда изъ 4 блюдъ и кофе». Послѣ обѣда отдыха не было, въ виду особаго характера работы, которая и продолжалась до 10 часовъ вечера, когда «всѣ садятся *ужинать* и расходятся спать». Итого, пять разъ въ день ѣда, и притомъ, такая, о которой не можетъ мечтать «властитель русскихъ думъ» – чиновникъ, хотя на его долю и приходится 18 % изъ нашего миллиарднаго бюджета.

Положимъ, такія условія работы не могутъ быть разсматриваемы, какъ общія для всей Франціи. Близость Парижа не можетъ не оказывать вліянія, о чемъ говоритъ и г. Мертваго. Но несомнѣнно, что «пролетарій», узнавъ объ усло-

вѣяхъ «общинника», врядь ли пожелалъ бы помѣняться съ нимъ, какъ бы ему ни захваливали эту пресловутую общину. Тѣмъ болѣе, что и у себя на родияхъ онъ имѣеть общину. «Вѣдь и здѣсь,— говоритъ г. Мертваго,— деревня называется „la commune“, т. е. община, и, благодаря этому, здѣсь мостовыя, шоссе, общественныя школы,— и люди не тратятъ времени бесполезно на печеніе хлѣба *каждый для себя*, на заготовленіе запасовъ *каждый для себя*, а дѣлають все это люди, которые спеціально этимъ занимаются. У насъ община стѣсняетъ способности человѣка (не стѣсняя, впрочемъ, кулака, который въ общинѣ чувствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ): она приравниваетъ его къ одной сенькиной шапкѣ; здѣсь община помогаетъ ему легче жить, но ни въ чемъ не останавливаетъ хозяина въ его задачѣ».

Когда у насъ говорятъ объ «общинѣ», выставляя ее какъ бы въ укоръ Западу, у котораго одинъ «пролетаріатъ»,— обыкновенно упускають изъ виду, что на Западѣ *общественныя* стороны «общины» несравненно сильнѣе и лучше развиты, чѣмъ у насъ. Европейецъ, отбросивъ всѣ стороны общины, стѣснявшія его личность, сохранилъ и развилъ до недостижимаго совершенства всѣ остальные. Въ противоположность европейской общинѣ, которую личность подчинила себѣ, можно указать на китайскую общину, которая цѣликомъ подавила личность. Есть чрезвычайно поучительная книга Пирсона, англійскаго консула въ Шанхаѣ, въ которой онъ описываетъ могучее развитіе общины въ Китаѣ. Здѣсь

община является всѣмъ: для китайца она служить альфой и омегой его существованія. Каждый китаецъ, обращаясь къ общинѣ, могъ бы повторить слова Андромахи къ Гектору: «ты мнѣ теперь – и отецъ, и любезная мать, ты и братъ мой единственный, ты и супругъ мой прекрасный». Внѣ общины китаецъ невыносимъ. Она подавила въ немъ волю, желанія, умъ и беспощадно наказуетъ малѣйшее отступленіе отъ освященныхъ тысячелѣтіями традицій. Пирсонъ приводитъ поразительные факты власти общины надъ китайцемъ, который, куда бы ни бросила его судьба, несетъ съ собою и общину, что даетъ ему въ борьбѣ за существованіе среди другихъ народностей необычайную стойкость. По словамъ Пирсона, китайцы медленно, но неуклонно завоевываютъ Малайскій архипелагъ, вытѣсняя малайскую расу, и завоевали бы Америку, если бы не во время принятія энергичныя мѣры, воспреотившія китайскую иммиграцію. Но въ общинѣ лежитъ и китайская слабость. За предѣлами ея для китайца кончается міръ, и понятія о государствѣ, въ нашемъ смыслѣ, онъ не имѣетъ. Этимъ объясняется легкость, съ которой манчжуры завоевали и управляютъ Китаемъ, хотя ихъ неизмѣримо меньше. Этимъ же объясняются и результаты японско-китайскаго столкновенія. Китайской націи нѣтъ, а есть китайская раса, которая охотно подчиняется кому угодно, только бы не мѣшали ей размножаться; китаецъ – не гражданинъ своего отечества, а членъ своей общины, подобно микробу, который является членомъ расплодившейся въ

благоприятныхъ условіяхъ микробной общины.

Русская община занимаетъ какъ бы середину между указанными двумя полюсами, повидимому, все больше и больше склоняясь къ европейскому образцу. Съ паденіемъ крѣпостнаго права, бывшаго главнымъ оплотомъ нашей общины, она быстро пошла по той дорогѣ, по которой шла нѣкогда и европейская община, превратившаяся въ современную «la commune». Г. Мертваго, возвратившись изъ заграничнаго странствованія, рассказываетъ о впечатлѣніи, какое произвела на него русская деревня.

«Когда я смотрѣлъ на заграничныя поля, они меня не радовали – я видѣлъ за ними безземельнаго кнехта, и мнѣ поэтому привлекательнѣе рисовались наши поля, созданныя положеніемъ 19 февраля. Теперь я былъ въ центрѣ Россіи, въ хозяйствѣ „свободнаго“, работающаго на себя крестьянина, и былъ пораженъ этой необходимостью бѣжать ему отъ своей земли въ городъ на заработки. Это бѣгство необходимо, такъ какъ населеніе не можетъ прокормиться, такъ какъ въ его надѣлѣ нѣтъ выгона, нѣтъ покоса, нѣтъ лѣса и вдобавокъ оно прикрѣплено къ этому надѣлу, какъ къ позорному столбу, оно не можетъ оставить его, убѣжать куда-нибудь на сѣверъ или въ Сибирь, или въ степь, на свободныя земли, какъ дѣлали въ старину, гдѣ бы оно могло приложить свой трудъ, создать вдвое, втрое цѣнностей на пользу своего отечества...»

Въ послѣднемъ г. Мерваго ошибается. Если бы даже всѣ наши общинники разбрелись врозь, на разныя «теплыя воды», количество «цѣнностей на пользу отечества» оттого не возрасло бы. Цѣнности растутъ только съ возрастаніемъ потребностей, ростъ которыхъ зависитъ отъ условій общественной жизни и уровня развитія.

«Сто лѣтъ назадъ,— говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,— жилось во Франціи точно у насъ въ Россіи теперь. Сто лѣтъ назадъ, французы ѣли ржаной хлѣбъ, который приходилось часто замѣнять овсянымъ, а иногда подбавлять въ него коры, пили не вино, а какой то хлѣбный напитокъ, похожій на нашъ квасъ; голодовки и недоимки были ужасныя. Такъ жилось въ деревнѣ. Огородники, которые всюду стоятъ нѣсколько выше деревенскаго населенія, были безграмотны, школы въ плохихъ помѣщеніяхъ, плохо одѣвались и плохо ѣли... Овощей требовалось тогда немного, такъ какъ, конечно, отъ спроса зависѣлъ прогрессъ огородничества.

Какой же прогрессъ былъ возможенъ въ этомъ дѣлѣ, когда только высшіе классы покупали парниковыя овощи, да и ихъ вкусъ, подобно современному русскому, стоялъ еще только на огурцахъ?..»

Въ концѣ своихъ скитаній г. Мертваго убѣдился, что для «чиновничьей націи» пока еще не наступило время фран-

цузскихъ огородовъ, а для русскаго хозяйства нѣтъ пока торнаго пути. «Не торный путь будетъ только когда-нибудь менѣ тяжель,— заканчиваетъ авторъ свои воспоминанія, — когда создастся у насъ крѣпкая связь между наукой и жизнью, и когда сознаніе необходимости общей работы проникнетъ въ каждую усадьбу, въ каждую избу», что можетъ быть достигнуто только путемъ, по которому шло развитіе этого сознанія въ западной Европѣ.

Июль 1895 г.

Годы перелома (1895–1906). Сборникъ критическихъ статей.

Книгоиздательство «Миръ Божій», Спб., 1908